

ПОЛЬ РИКЁР КАК АВТОР: ОПЫТ ЧТЕНИЯ И ПОНИМАНИЯ

Р.Г. АПРЕСЯН

Заявленная тема требует пояснения, избавляющего от возможной двусмысленности: я собираюсь поделиться *своим* опытом чтения и понимания. Рикёр в своих книгах и статьях почти никогда не остается только автором, он всегда демонстрирует себя в качестве читателя – внимательного, вдумчивого, дотошного. Порой необходимо усилие для понимания того, где именно Рикёр перестает быть читателем и становится автором. Это разделение отнюдь не очевидно. Конечно, он всегда автор. Он автор обзоров своих чтений, автор выделенных или добавленных в прочитанном акцентов, автор приносимого в вычитанные дискурсивные сюжеты драматизма.

Как мыслитель Рикёр – *автоконтестуализирован*. Наверное, это плюс для тех, кто проводит исследования его творчества. Чтение Рикёра – это всегда хорошее средство для компенсации не прочитанного. Однако надо отдавать себе отчет в возможном интерпретационном разрыве между Рикёром и предметом его обозревательно-аналитического внимания. Но это значит, что *понимание* Рикёра требует эрудиции, требует проверочного чтения. Мне скажут, что это очевидно для каждого автора; просто у Рикёра все его референции очевидны. Соглашусь, но поскольку Рикёр выносит на публику почти всю свою работу по автоконтестуализации, эта работа, а именно, предлагаемые им интерпретации, становится отдельным предметом рикёроведческого рассмотрения.

Слово «рикёроведческий» всплывает в моем рассуждении о Рикёре не случайно: я собственно рикёроведением не занимаюсь, и работы Рикёра выступают для меня, главным образом, в качестве ресурса для моих собственных исследований. Например, последние мои чтения Рикёра были обусловлены интересом к проблематике признания, и книга Рикёра «Путь признания» помогла мне правильно тематизировать те вопросы, которыми я заинтересовался по ходу своих социально-этических исследований. Однако особую признательность к этому мыслителю я испытываю благодаря его аналитическим комментариям относительно золотого правила морали и, более того, методологии изучения такого рода предметов. Эти комментарии, насколько я понимаю, возникли по ходу каких-то других его исследований. Но они непосредственно сопряжены с центральными для него проблемами: с одной стороны, интерпретации, герменевтики, самости, а с другой – идентичности, коммуникации.

Я имею в виду небольшую статью Рикёра «Золотое правило: экзегетические и теологические проблемы»¹. Она написана на основе

доклада, сделанного в июле 1989 г. на XLIV общем собрании Общества изучения Нового Завета (Studiorum Novi Testamenti Societas, SNTS) в Дублине. В свою очередь, тот доклад представлял собой последнюю часть Лекции им. Фридриха Наумана (Frederick Neumann Lecture), прочитанной в ноябре 1988 в Принстонской теологической семинарии (Princeton Theological Seminary)². Вчитывание в эту статью послужило важным импульсом для переосмысления мной золотого правила, в особенности, методологии его исследования. Результатом этой работы стала статья «Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов»³. Конечно, в этой статье я акцентированно ссылался на Рикёра, но, мне кажется, по ней нельзя сделать вывод о той роли, которую он сыграл в ее создании. Проговариванием этого я хотел бы еще раз воздать должное замечательному французскому мыслителю.

Эта небольшая статья Рикёра — не единственный текст, посвященный золотому правилу. В изданный на английском языке сборник «Понять священное: религия, рассказ, воображение»⁴ включена его статья «Этическое и теологическое рассмотрение золотого правила». В гл. 8 и 9 книги «Я-сам как другой» проблематика золотого правила как в метаэтическом, нормативно-этическом, так и в методологическом аспекте затрагивается довольно широко⁵.

В обсуждаемой статье Рикёр находится в гравитационном поле примечательного дискурса. Непосредственный предмет референции Рикёра — Ханс Дитер Бетц (Hans Dieter Betz, b. 1931), известный немецко-американский исследователь Нового Завета и раннего христианства, профессор Чикагского университета, с которым, как известно, долгие годы сотрудничал и сам Рикёр. В статье Рикёр не дает библиографическую ссылку на труд Бетца, которым он пользуется. По всей видимости, это сборник «Очерки о Нагорной проповеди»⁶, в котором собраны статьи Бетца с начала 1960-х. В 1995 г. выходит фундаментальнейший, без малого в 700 страниц, комментарий Бетца к Нагорной проповеди (в сравнении с Дольней проповедью)⁷, сделанный, судя по всему, на основе сборника 1985 г. Что интересно, в нем Бетц откликается на эту статью Рикёра. Через Бетца Рикёр выходит на Альбрехта Диле и других исследователей золотого правила. Надо отметить, что Бетц в своем анализе стихов Мф. 7 : 12 и Лк. 6 : 31 опирается на немецких исследователей золотого правила, в частности, помимо Альбрехта Диле, на Ганса Райнера⁸. Наряду с Бетцем, Рикёр цитирует и Рейнгольда Меркельбаха (Reinhold Merkelbach, 1918 — 2006), немецкого филолога-классика⁹.

Как бы рассказывая о том, как понимают золотое правило эти авторы, в чем-то перекликаясь с ними, Рикёр разбирает существеннейший вопрос: *что происходит с содержанием золотого правила* (если что-либо происходит), *когда оно оказывается в религиозном контексте*, или, гово-

ря словами Рикёра, в перспективе к религиозной традиции, в частности, задаваемой иудейско-христианскими священными текстами? Надо оговориться: золотое правило берется из Нагорной проповеди, по Евангелию от Матфея и из Дольней проповеди, по Евангелию от Луки (по традиции считается, что первое ориентировано на христиан из иудеев, а второе — на христиан из язычников). По-другому этот вопрос можно поставить так: какова роль контекста в понимании текста золотого правила, а шире — нормативного текста вообще?

Вслед за Бетцем Рикёр отмечает, что золотое правило знакомо и даже обычно как для слушателей Нагорной проповеди (в которой оно дано в следующем виде: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7 : 12), так и для слушателей Дольней проповеди (в которой золотое правило дано так: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк. 6 : 31). Правда, здесь возникает вопрос: в какой степени оно знакомо, допустим, в сравнении с заповедью любви? Последняя провозглашается Христом в ответ на вопрос о высшем законе. В Евангелиях от Матфея и от Марка некто законник, или книжник спрашивает Христа о первой заповеди, а услышав ответ, не только удовлетворяется им, но и подтверждает, что именно это он хотел услышать, и, стало быть, вопрос задавался как бы для проверки мнения и позиции Христа. В Евангелии от Луки этот эпизод дан в иной версии: законник спрашивает Христа о том, что нужно делать, чтобы наследовать жизнь вечную? В ответ Христос просит законника сказать, что он об этом думает, — на что тот произносит известную формулу о любви к Богу и к ближнему. Христос, со своей стороны, подтверждает правильность ответа законника: «Правильно ты отвечал; так поступай, и будешь жить» (Лк. 10 : 28). Так что три синоптических евангелия свидетельствуют о том, что спрашивающие хорошо знали, в чем состоит высшая заповедь и знали ее из Иудейского закона. Знание слушателями Христа золотого правила не имеет такого же подтверждения, как знание ими заповеди любви: как мы видим из текста, заповедь любви очевидно знакома слушателям и собеседникам Христа, а золотое правило лишь возможно знакомо, причем в Евангелии от Луки скорее, чем в Евангелии от Матфея.

В Евангелии от Матфея золотое правило дается почти как у Гиллея Старшего — как итог всего Учения. В Евангелии от Луки оно как будто бы включено в семантически-контрарный контекст. Эта контрарность, экспозиция вульгарных пониманий золотого правила, сводящих последнее к чистой взаимности, может свидетельствовать о том, что золотое правило знакомо слушателям, и их надо просветить, чем оно не является.

Даже если предположить, что золотое правило знакомо и обычно, сохраняется ли в контекстах евангелий от Матфея и Луки (а это су-

щественно разные нормативные контексты) его обычность? Не происходит ли чего-то неожиданного с ним в новых контекстах?

Интересно посмотреть, что делает в своей статье Рикёр. Он как будто бы проводит рассуждение: высказывает один тезис, затем противопоставляет ему другой, из которого делает вывод. Но этот один тезис и другой — это своего рода реконструкция идущих в экзегетике Нового Завета дискуссий, это представление в обнаженном виде конфликтующих интерпретаций, по-разному принимающих во внимание контекст золотого правила. Не афишируемо Рикёр Меркельбаху противопоставляет Бетца.

Какова же траектория дискурса? Насколько я понимаю, Рикёр отталкивается от точки зрения, высказанной Меркельбахом. Золотое правило оказывается в нормативном контексте, его преодолевающим, и это — нормативный контекст заповеди любви к врагам (отмечу, что на самом деле, таков контекст не только Лк. 6 : 31, но и Мф. 7 : 12). Именно заповедь любви к врагам, а не золотое правило задает тон в этике Дольней проповеди. Здесь не просто одному принципу (золотое правило) противопоставляется другой (заповедь любви). Рикёр настаивает, и не безосновательно, что это — разные логики ценностного мышления: с одной стороны, это «логика изобилия (*superabundance*)» (а в религиозном плане она выражается в «экономике дара», различным образом представленной в Новом Завете), которая отражена в заповеди любви; с другой — «логикой равенства», которая отражена в золотом правиле (хотя, конечно, не только).

Рикёр выделяет «два типа аргументов в пользу того, что золотое правило преодолевается новой заповедью любви к врагам»¹⁰. Первый аргумент — это сам текст Евангелия, следующий за Лк. 6 : 31¹¹. Второй аргумент — концептуальное родство золотого правила с правилом возмездия, как оно выражено в талионе, которым когда-то управлялась сфера наказания. Здесь Рикёр опирается на Альбрехта Диле, который усматривал общность талиона и золотого правила в том, что оба правила утверждают равенство и взаимность. В отличие от талиона взаимность в золотом правиле не реактивна, а проективна; она предвидится, ожидается. В золотом правиле агент призывается к проявлению инициативы. Более того, золотое правило апеллирует к намерению, установке, чувству, хотению. Но все это — в рамках логики равенства. В заповеди любви этой логики нет: заповедь любви ничего не обещает взамен: здесь нет равенства, потому что нет обоюдности. Уточню: здесь нет равенства и обоюдности на нормативном уровне; на фактическом же уровне — что для этики не так важно — может быть по-разному. Рикёр считает, что этика золотого правила, предполагая равенство, делит людей на своих и чужих, ближних и дальних, в то время как в этике заповеди любви линия раздела между своими и чужими уничтожается.

И вот тут в рассуждение включается, почти беззвучно, Бетц. Как он считает, в Евангелии от Луки золотое правило вовсе не преодолевается, а переосмысливается и возвышается контекстом. Рикёр же, продолжая думать, что при буквальном толковании золотого правила в нем сохраняется, пусть и в рафинированном виде, закон возмездия, причем в версии, не далекой от талиона, начинает видеть, что золотое правило преобразуется благодаря *логике изобилия* (superabundance)¹².

Это преобразование возможно в результате переосмысления, перетолкования золотого правила, в процессе ряда мыслительных, теоретических процедур. Рикёр называет три такие процедуры: экзегетику, концептуализацию и системную интерпретацию. *Экзегетика* — это интерпретация евангельских текстов. Ее Рикёр находит у Бетца и развивает на основе концептуального прочитывания евангельских текстов. Рикёр полагается на Бетца в экзегетическом анализе и принимает его взгляд на Нагорную проповедь как сложно структурированное рассуждение, в котором золотое правило занимает центральное место. Даже если признать, что золотое правило известно слушателям, говорит Рикёр, оно не просто цитируется здесь — оно включается в новую этику.

О концептуализации и «систематизации» Рикёр говорит совокупно, так что предлагаемое мной различие этих двух ходов осмысления — результат моей интерпретации. Концептуализацию, как и «систематизацию» Рикёр понимает как перетолкование морального принципа в свете наборов символов, которые структурируют религиозный опыт у евреев и христиан. Этому посвящен всего один абзац, но, исходя из его содержания, я бы сделал следующие выводы. *Концептуализация* — это встраивание морального принципа, в данном случае золотого правила, в рационализируемую нормативную систему. *Систематизация* — встраивание морального принципа в рационализируемую религиозную систему. Концептуальная реинтерпретация золотого правила осуществляется в ходе его осмысления в соответствии с новой логикой изобилия, утверждаемой любовью к врагам.

Под воздействием этой логики меняется и характер взаимности золотого правила. На место «для того, чтобы» приходит «потому что»; на место «Давай, чтобы и тебе дали» — «Потому что дано тебе, и ты дай»; на смену древнему мотиву личного интереса приходит мотив благородства. Это перетолкование возможно благодаря аналогии, обнаруживаемой в «потому что»: потому что это было сделано тебе, иди и делай так же; так же, как было сделано тебе, делай и ты. «Так же» порождает топос подражания Богу.

Системная интерпретация требует понимания золотого правила в более широком доктринально-нормативном контексте, который определяется принципиальными утверждениями и в евангелиях: «Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5 : 48);

«Будьте милосердны, как милосерден ваш Отец» (Лк. 6 : 36). Моральное правило тем самым обустраивается не просто в нормативном контексте, но в «универсальном» (в смысле Вселенском), онтологическом контексте. Без этого контекста, посредством которого обретает реальность аналогия с Отцом небесным, невозможно истолкование золотого правила в терминах экономики дара. Эта аналогия раскрывает и сотериологический контекст золотого правила; точнее, сотериологический контекст этики, в которую помещено золотое правило.

На основе экзегетического прояснения, концептуального и системного переосмысления золотое правило освобождается от буквального истолкования. Рикёр подчеркивает это, сохраняя свое мнение о глубоком сходстве золотого правила и талиона.

Рикёр сохраняет свое понимание внутреннего напряжения между золотым правилом и заповедью любви к врагам. Оно существенно и центрально в христианской этике. Но без золотого правила, утверждающего принцип взаимности не обойтись: никакое уголовное право, никакая справедливость вообще, распределения задач, ролей, обязанностей, выгод и бремени (по ролзовскому списку) не могут быть выведены из одной только заповеди любви к врагам. Необходим принцип взаимности, обоюдности. Заповедь любви к врагам — не этическая, а сверх-этическая. Чтобы сверхчеловеческое не обернулось внеморальным (*a-moral*), не говоря об аморальном (*immoral*), она должна реинтерпретировать принцип морали, который подытожен в золотом правиле. Поэтому новая заповедь — заповедь любви к врагам — не может уничтожить золотое правило и не должна заменить его. Так называемая христианская этика или, лучше, общая (*common*) этика в религиозной перспективе основывается на этом напряжении между односторонней любовью и двусторонней справедливостью.

Главный урок из этого небольшого рассуждения Рикёра касается методологии этико-нормативного исследования. Это исследование должно (а) базироваться на глубоком понимании текста, (б) на анализе контекста, (в) и то, и другое должно быть концептуально оснащенным.

Казалось бы, это очевидно. Но исследовательская литература, в том числе по золотому правилу, показывает, что «урок» Рикёра — более чем актуален. Думаю, этот «урок» и был преподан Рикёром при ясном понимании его насущности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ricœur P. The Golden Rule: Exegetical and Theological Perplexities // New Testament Studies, 1990. Vol. 36. P. 392 – 397.

² К сожалению, никаких следов этой лекции пока мне найти не удалось. Пользуясь случаем, выражаю благодарность профессору Университета Эмори (США) Николасу Фоушину (Nikolas Fotion) за снабжение меня этой статьей, как и некоторыми другими, малодоступными в те времена.

³ См.: Апресян Р.Г. Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 72 – 84. Спустя какое-то

время статья была переведена на английский язык (см.: *Apresyan R.G. Talion and the Golden Rule: A Critical Analysis of Associated Contexts* / trans. by J.E. Walker // *Russian Studies in Philosophy. Issue 41 : 1. Summer 2002. P. 46 – 64*).

⁴ См.: *Ricœur P. Figuring the Sacred: Religion, Narrative, and Imagination* / M.I. Wallace. – Minneapolis: Fortress Press, 1995.

⁵ См.: *Рикёр П. Я-сам как другой*. – М.: Изд-во гуманитарной лит-ры, 2008.

⁶ См.: *Betz H.D. Essays on the Sermon on the Mount*. – Minneapolis: Fortress Press, 1985.

⁸ См.: *Betz H.D. The Sermon on the Mount: A Commentary on the Sermon on the Mount, including the Sermon on the Plain (Matthew 5 : 3 – 7 : 27 and Luke 6 : 20 – 49)* / ed. A.Y. Collins. – Minneapolis: Fortress Press, 1995.

⁸ Для русского читателя это особенно любопытно, потому что эти же авторы были ключевыми референтами и для А.А. Гусейнова, введшего концепт золотого правила в нашу литературу в 1970 г.

⁹ Меркельбах, в частности, автор статьи о Евангелии от Луки: «Über eine Stelle im Evangelium des Lukas» (*Grazer Beiträge*. 1970. Bd. 1. S. 171 – 175).

¹⁰ *Ricœur P. The Golden Rule: Exegetical and Theological Perplexities. P. 393.*

¹¹ В версии «Радостной Вести»: «Если вы любите тех, кто любит вас, в чем тут ваша заслуга? Ведь и грешники любят тех, кто их любит. И если вы помогаете только тем, кто помогает вам, в чем тут ваша заслуга? И грешники делают то же. И если вы даете займы только тем, от кого надеетесь получить обратно, в чем тут ваша заслуга? И грешники грешникам дают займы, чтобы потом получить долг обратно. А вы поступайте не так! Любите своих врагов, помогайте и давайте займы, ни на что не надеясь в ответ. Тогда вас ждет великая награда: вы будете сынами Всевышнего, который добр даже к неблагодарным и злым. Будьте милосердны, как милосерден ваш Отец. Никого не осуждайте – и вас Бог не осудит. Никого не обвиняйте – и вас Он не обвинит. Прощайте – и Он простит. Давайте – и Он вам даст, полной мерою даст: утрясет, утопчет и полную с верхом меру вам высыплет в полу плаща. Какой мерой мерите вы, такой Он отмерит и вам» (Лк. 6 : 32 – 36). И далее: «Что же ты смотришь на соринку в глазу своего брата, а в своем бревна не замечаешь? Как ты можешь говорить своему брату: “Брат, дай я выну соринку из твоего глаза”, если не видишь бревна в своем? Лицемер! Вынь прежде бревно из собственного глаза – тогда увидишь, как вынуть соринку из глаза брата» (Лк. 6 : 41 – 42).

¹² *Ricœur P. The Golden Rule: Exegetical and Theological Perplexities. P. 394 – 395.*

Аннотация

В небольшой статье «Золотое правило: экзегетические и теологические проблемы» (1990) Поль Рикёр показал необходимость основываться при анализе моральных норм на глубоком изучении текста и контекста, осмысляемых концептуально.

Ключевые слова: Поль Рикёр, золотое правило, методология нормативного анализа.

Summary

It is evident from Paul Ricœur's short article «The Golden Rule: Exegetical and Theological Perplexities» (1990) that the analysis of moral norms should be based on understanding of moral norms' text and context conceptually comprehended.

Keywords: Paul Ricœur, the Golden Rule, methodology of normative analysis.